

М., 1995. С. 20.

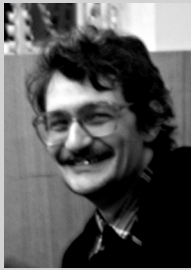
11. Дугин А. Евразийский путь как национальная идея. М., 2002. С. 90.

12. Иванов А.В. Евразийское мировоззрение и геополитические приоритеты России в 21 веке // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 3. С. 17.

13. См.: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. М., 1990. С. 9; Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 8-9; Чубайс И. Новая российская идея // НГ – Сценарии. 19.09.96. С. 4.

УРОКИ АВГУСТА

Л.Г. Фишман

Фишман
Леонид Гершевич

доктор политических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и
права УрО РАН,
академик МАДИ

В последние годы в рядах российской политической элиты утвердился довольно циничный взгляд, что во внешней политике у России не может быть друзей, кроме разве что армии и флота. Могут быть только партнеры, привлекаемые взаимной экономической выгодой или военной мощью, или экономической помощью и т.д. И уж точно, у России не может быть друзей чисто по идеологическим соображениям: были у нас в свое время советские иллюзии, а до них панславянские, религиозные и т.д. А еще мы не так давно пробовали перенять западные либерально-демократические идеологии, вот только дружественнее от этого Запад к нам не стал, а лишь воспользовался слабостью и расширил НАТО на Восток. Поэтому, пришли к выводу российские элиты, а заодно и обслуживающая их политическая мысль, идеология нам для построения отношений в мире не нужна. Достаточно иметь партнеров и интересы. Они забыли, как еще недавно жаловались, что СССР проиграл Западу холодную войну именно по идеологической причине, что западный образ жизни и западные ценности в определенный период оказались просто привлекательнее отечественных.

Скоротечная война с Грузией, однако, выявила одну существенную деталь. Если идеология и не нужна для дружбы, то она очень

неплохо подходит для вражды, для осуждения противника. И то сообщество стран-друзей, которым является Запад, такую идеологию, при всех возможных оговорках, имеет, а Россия – нет. Поэтому М. Саакашвили мог с полным основанием заявлять: «Русские пытаются взвалить вину на одного человека. Они говорят себе, что если США убрали (в Ираке) лидера, который им не подходил, то почему им нельзя? Если Запад признал Косово, почему им нельзя действовать так же? Но каждый раз русские действуют, исходя из прямо противоположных мотивов. Они хотят избавиться от моего правительства, *потому что мы – демократы* (курсив мой – Л.Ф.)»¹.

Как точно подмечает Т. Алексеева, «...там, где Россия выступает как государство, она сталкивается как с постсоветскими государствами, переориентировавшимися на Запад, так и с их западными консультантами. При этом демократия выступает на международной сцене в качестве идеологии, так сказать *истины в последней инстанции*, неоспариваемой и догматизированной, т.е. в качестве некоего критерия адекватности или неадекватности того или иного государства»². Именно с этим критерием, неважно, насколько он хорош или нет, судили Россию, причем ей было нечего толком противопоставить.

И действительно, какие аргументы у нас могли быть в информационной войне против Запада? Основной из них был до боли похож на претензии советских диссидентов советскому же государству: вы сами не соблюдаете собственных правил. Но это всегда заведомо слабый аргумент. Никто не способен играть по собственным идеологическим правилам всегда и везде хотя бы потому, что реальность сложнее правил. Поэтому нередко сильные государства поддерживают слабые страны с

иными политическими режимами по принципу «это наш сукин сын». Точно так же делали и мы, и делаем до сих пор. Разница заключается в том, что у стран и альянсов с четко выраженной идеологией поддержка «сукиного сына» имеет также и моральное оправдание. «Цель оправдывает средства» – сомнительная моральная максима, но по большому счету целью, ценностями, идеологией только и можно оправдывать применяемые средства. Все остальное – заведомо проигрышная стратегия. Как откровенно выражается Р. Кейган, в случае западных демократий «либеральное кредо дает это право – вера, что все люди созданы равными и имеют некоторые неотъемлемые права, которые не должны ущемляться государствами; что правительства черпают свою власть и законность только из согласия управляемых и связаны долгом защищать права своих граждан на жизнь, свободу и собственность. Для тех, кто разделяет это либеральное убеждение, иностранная политика и даже войны, которые защищают их принципы, как в Косово, могут быть верными, даже если международное законодательство утверждает, что они неверны»³.

Но вот если идеологии нет, то поддержка «сукиного сына» сразу приобретает откровенно циничный и прагматичный характер как в глазах собственных граждан, так и за рубежом. Правда, и в этом случае страна не останется совсем уж без «друзей», есть такие «друзья» и у нас, которым мы либо покровительствуем, либо налаживаем партнерские взаимоотношения, ссылаясь при случае на их благоприятную по отношению к нам позицию.

Проблема заключается в том, что все эти «друзья» идут разными курсами, а их политические режимы, как правило, очень плохо совместимы с нашим именно в идеологическом плане. Иными словами, в ситуации, подобной сложившейся после пятидневной войны, хор таких «друзей» не может быть противопоставлен хору единомышленников в идейном плане стран Запада: его просто нет и не может быть.

В этом нетрудно убедиться, кратко описав, что представляют собой в идеологическом плане наши «друзья и союзники».

Белоруссия: «научный национализм». Он представляет собой смесь либерализма, консерватизма и социализма. От либерализма берутся идеалы свободы человека, гражданского общества с равными возможностями для его членов, правового государства. Консерватизм оказался привлекателен своей приверженностью традиции, эволюционному пути развития и национальным ценностям. Из социализма заимствуются социальное равенство и справедливость, коллективизм и общественная собственность. Все это подается на православно-христианской основе и сопровождается рассуждениями о восточно-славянской цивилизационно-культурной идентичности⁴.

«Стремление осовременить и наукообразить идейные построения, опереться на признанные западные авторитеты – общая черта и украинского «научного национализма», и идеологии белорусского государства»⁵.

Венесуэла: левый национализм и боливарианская революция.

Идеология режима Чавеса видна по его практике.

Чавес остановил приватизацию алюминиевой промышленности и нефтяного сектора, а также национальной системы социального обеспечения. Был разработан план «Боливар-2000» по строительству дорог и жилья для малообеспеченных слоев населения. Также были проведены в жизнь программы по перераспределению сельскохозяйственных земель и поддержке системы здравоохранения и бесплатного среднего образования.

После путча 2002 были разработаны долгосрочные программы развития страны т.н. «Миссии Боливара», направленные на улучшение условий жизни наиболее обездоленных жителей Венесуэлы. Так по программе борьбы с неграмотностью к 2006 году 1 250 000 взрослых венесуэльцев научились читать и писать. В рамках «Миссии Сукре» за последние годы более 2 миллионов человек из необеспеченных слоев общества смогли получить бесплатное высшее образование. Еще 5 миллионов получили дипломы о законченном среднем образовании («Миссия

Рибас»). Для защиты и развития коренного индейского населения Венесуэлы была разработана «Миссия Гуайкайпуру». По другим социально-экономическим программам венесуэльского правительства были построены тысячи новых бесплатных медицинских учреждений, увеличены субсидии на продукты питания и жилье, были поставлены на учет для получения социальных пособий миллионы венесуэльцев.

На многих предприятиях возникли рабочие комитеты, которые участвуют в управлении производством. Из-за сопротивления прежних хозяев новой рабочей политике правительством Уго Чавеса были национализированы крупнейшая бумажная компания «Венепал», а также несколько сахарных заводов. Усиленно продолжается процесс перераспределения сельскохозяйственных земель в пользу безземельного крестьянства. Все чаще в высказываниях команданте Ча встречаются призывы строить социалистическое общество, основываясь на идеях Маркса и Ленина⁶.

Китай: социализм с китайской спецификой.

Теоретический фундамент деятельности современной Компартии Китая обозначается следующим образом: 1) марксизм-ленинизм, 2) идеи Мао Цзедунa, 3) теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой, 4) важные идеи Цзян Цземина о тройном представительстве. В основе всех нынешних преобразований в КНР лежит известная теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой, принятая еще XV съездом КПК в качестве официальной руководящей идеологии партии. В основе китайских экономических реформ, начатых Дэн Сяопином, лежат два принципа:

1) Все реформы должны проводиться в интересах абсолютного большинства населения, которое должно иметь очевидную выгоду от этого.

2) Для абсолютного большинства населения цена реформ должна быть приемлемой, а антагонизм между социализмом (планом) и капитализмом (рынком) в стране, в которой

правит Компартия, – должен контролироваться. Противоречия между разными формами собственности, между трудом и капиталом находятся под контролем КПК и используются для ускорения строительства социализма с китайской спецификой.

Правда, в реальности все свидетельствует о том, что Китай сосредоточенно работает исключительно на себя, пока решая сугубо национальные задачи. Ленинский тезис о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране в Китае трансформирован в лозунг неравномерного, опережающего роста богатства в условиях рыночной экономики сначала у отдельных лиц и в отдельных регионах, которые должны вытянуть к «среднезажиточному обществу» всю страну.

Но в последние годы предпринимаются попытки скорректировать «слишком далеко» зашедший китайский капитализм влево и поэтому с приходом к власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао китайское руководство все чаще обращается к тем вопросам, которые поставлены «новыми левыми». Идет даже речь о формировании официального «неосоциалистического» проекта: правящая компартия не хочет, чтобы ее считали покровителем неолиберализма. Новое руководство развернуло кампанию критического изучения неолиберализма. «На уровне официального обществоведения он рассматривается как опасное течение, закрепляющее на интеллектуально-теоретическом уровне мировое господство монополистического капитала. При этом власти умело перенаправили острие полемики с китайских проблем на Латинскую Америку и бывший СССР, утверждая, что эти регионы превратились в «зоны бедствия» из-за американской политики навязывания либеральной модели другим странам»⁷.

Иран: исламская оболочка обычного капитализма.

Современный Иран представляет собой капиталистическое государство с мощным государственным сектором, где «исламизм» является идеологической оболочкой, скрепляющей общество. Несмотря на то, что в Иране повсюду подчеркивается исламский характер

государственной системы, запрещены западные музыка и кино, а женщины носят платки, назвать Иран истинно исламской страной сложно. По сути, «исламскость» Ирана выражается в том, что правящая верхушка преимущественно представлена религиозными клерикалами. Строго говоря, государственная власть в Иране разделена между муллами и светскими чиновниками. Мы видим, как это отражено на высшем уровне. Глава государства – аятолла Хаменеи, выполняющий роль духовного лидера (фактически законодательной власти), и светский по статусу президент Ахмадинежад. При этом как религиозная верхушка, так и светская срослись с буржуазией, став не только правящей элитой, но и имущей⁸.

Сирия: социализм и национализм.

Идеология правящей в Сирии партии БААС изначально соединяла в себе социализм и национализм. Лидеры партии требовали национализировать все компании с иностранным капиталом и объединить все арабские государства.

БААС является партией светской, к исламу равнодушной; ее основатель Мишель Афляк исповедовал христианство. Отделения БААС действовали во многих арабских странах, но наибольших успехов партия добилась в Ираке и Сирии, где стала правящей. В настоящее время партия в значительной мере потеряла свой идеологический заряд, превратившись в партию госчиновников и прочих новых кадров оппортунистического образца.

Таким образом, у большинства из дружественных нам режимов единственно общее с нашим – отстаивание национальных интересов под совершенно разными идеологическими соусами. И, разумеется, антиамериканизм. Кроме того, это действительно недемократические по западным меркам режимы с единственной общей целью, которую китаец Ли Пенг сформулировал в разговоре с иранцем Рафсанджани: Китай и Иран объединены общим желанием построить мировой порядок, при котором «выбор какой бы ни было системы в стране, является делом народа этой

страны».

Поэтому замечание цитированного выше американского политолога о том, что США и Западу придется противостоять своего рода союзу автократий, только отчасти справедливо. Отчасти – потому, что такой союз в действительности вряд ли сложится, а если сложится, то никогда не будет прочным. Союзы государств, для каждого из которых национальные интересы являются высшим приоритетом, и которые поэтому при случае ведут искусные геополитические игры друг против друга, – такие «оси дружбы» всегда будут чреваты изменами.

И действительно, прочность и искренность отношений, пронизывающих «оси дружбы», в которые сейчас якобы входит Россия, можно адекватно оценить, например, по такому пассажи их ярого сторонника А. Дугина:

«Эти «оси дружбы» складываются следующим образом: Россия – Европа, Россия – исламский мир, Россия – Китай. *Не входя ни в один проект, балансируя между этими полюсами, Россия заинтересована в том, чтобы поддерживать каждый из них в общей системе оппонирования однополярным устремлениям США* (Курсив мой – Л.Ф.). В таком случае национальная идентичность России определяется на основании двух факторов: противостояние американоцентричному глобализму (именно антиамериканизм, кстати, питает в значительной степени и новую европейскую идентичность) и самостоятельная независимая позиция в отношении всех крупных полюсов. Будучи антиамериканской, Россия не должна быть ни европейской, ни исламской, ни китайской. Именно в этом балансе она получает возможность выработать свой собственный «большой проект»⁹.

Поразительная наивность! И нашим, и вашим, а если что не так – можем и в спину ударить, чтобы свой проект выработать. Беда только в том, что почему-то такой самостоятельный проект никак не вырабатывается. Не открывается ли ларчик просто: самостоятельных цивилизационных проектов не существует в природе, и в действительности их никогда не было. Убеждение в том, что такие проекты возможны – интеллектуальная

иллюзия, возникшая в условиях кризиса Модернового проекта в результате двух мировых войн. Поэтому даже и сейчас, когда говорят, что проект Модерна вытесняется пока еще размытой идеологией глобализма, трудно не заметить, что по крайней мере в некоторых отношениях глобализм пытается продолжать старый модерновый проект, который изначально был ориентирован на весь мир, все нации и культуры.

С этой точки зрения идеологии наших друзей, равно как и то, что заменяет у нас официальную идеологию сейчас, являются обломками потерпевших поражение разновидностей проекта Модерна, в которых его глобальная направленность по необходимости была замещена национализмом.

Разумеется, «друзья», с которыми у нас в идеологическом смысле нет ничего общего кроме национализма* – такие «друзья» всегда готовы «кинуть» нас в критической ситуации.

Как, например, поступил наш союзник и «лучший друг России» Лукашенко, который в течение пятидневной войны так и не промолвив ни слова поддержки в адрес Москвы – желая таким образом улучшить отношения... с США и продать свою поддержку России возможно более выгодно. В то же время Китай недвусмысленно подтвердил поддержку территориальной целостности и суверенитета Грузии, а ШОС денонсировал российское использование силы в регионе и призвал к уважению территориальной целостности каждой страны.

Но это – о «друзьях». Что же сказать о «не друзьях»?

Почему в нашем ближнем зарубежье некоторое время назад свершился целый ряд успешных «оранжевых революций», которые так и не смогло предотвратить вмешательство России? Потому что при «политике-бизнесмене» В. Путине стало окончательно ясно, что Россия будет действовать, исходя только из выгоды ее правящей элиты. Причем эта Россия рада бы насадить у своих соседей авторитарно-олигархические режимы или поддерживать уже имеющиеся. Только вот соседи, особенно не имеющие собственной

нефти и газа, уже не могут себе такие режимы позволить.

Давно бы надо понять, что успех «оранжевых революций» – не столько следствие происков врагов, сколько сознательный выбор народов, которым органически неприятны как современный российский режим, так и до не давних пор существовавшие его местные аналоги. К тому же российскому режиму нечего предложить соседям, кроме поставок вооружений (как Чавесу) и ресурсов: у него нет ни привлекательной идеологии, ни способного успешно конкурировать с западным видения мировых проблем. Зато есть все возрастающая тяга к авторитарности, стремление решать вопросы силовыми методами, сворачивание пространства публичной политики и политических свобод.

Поэтому соседи видят в России просто недружественно настроенную и, главное, все более непредсказуемую силу. От силы, не отягощенной моралью, можно спастись только силой: соседи косяком тянутся в НАТО.

В такой ситуации, как бы там не обстояли дела в действительности, Запад выиграл против нас информационную войну по поводу Грузии и будет выигрывать еще долго. Но не бесконечно, поскольку уроки пятидневной войны отнюдь не сводятся к иллюстрации полезности наличия идеологии в информационных войнах.

Каковы же тогда были уроки августа 2008 года, уроки пятидневной войны?

И. Валлерстайн, несомненно, был прав, когда заметил, что для США этот урок был таков: они считали себя единственной сверхдержавой, но на деле оказались «просто сверхдержавой», если не обычным «сильным государством», как и Россия.

А в чем же заключался урок для России? В свое время о Саддаме Хусейне писали как о первом лидере незападного мира, который бросил военный вызов западной стране, что стало одним из ярких симптомов конца современного миропорядка. Россия в определенном смысле зашла еще дальше, отбросив флер идеологии и занявшись чистой «геополитикой». И в этом она полностью солидарна со своими «друзьями» вроде Китая и Ирана,

стратегия которых в конечном итоге заключается в том, чтобы разрушить невыгодный для них миропорядок.

Раньше только говорили о том, что если Америке позволено открыто нарушать международные правовые нормы, то можно и остальным, у кого только хватит на это силы и наглости. Россия попробовала это сделать первой и получилось. И ей ничего за это по большому счету не было. Нет ничего страшного в том, что Россию поругали на Западе, пообзывали фашистской, поиздевались над ее ржавой военной машиной и в очередной раз отложили прием в ВТО. Насчет ВТО – это, может быть, даже и к лучшему. А что Грузия и Украина с удвоенной силой запросились в НАТО: так чуть раньше, чуть позже – они все равно давно этого хотели. Зато в действительно важных вопросах положение России не изменилось: Евросоюз не прекратит торговать с нами; более того, Запад готов принять нашу финансовую помощь в преодолении кризиса.

В конце-концов, когда Россию записывают в мифический союз автократий против демократий, де факто подразумевают, что она входит в сообщество в общем-то модернизированных, но еще недостаточно демократизированных государств. С этой точки зрения противостояние капиталистических демократов таким же автократам, очередным эпизодом которого стала пятидневная война, не имеет антагонистического характера. Потому что по большому счету пока все автократии просто хотят достигнуть у себя дома того же, чего достиг Запад – модернизироваться. Можно легко представить ситуацию таким образом, что все автократии своими путями продвигаются к какой-нибудь разновидности демократии с либерализмом и капитализмом. Правда, «экологическая ниша» уже занята (одного Китая хватит, чтобы загубить биосферу, если только он весь начнет жить по западным потребительским стандартам) – и заставить потесниться можно только более или менее силовыми методами, порою открыто пренебрегая правовыми нормами. Равно как и удержать эту нишу за собой. Но это все

– «дело техники».

По большому счету автократам остается только научиться выигрывать у демократов информационные войны, что вполне достижимо, если они станут использовать все ту же моралистическую риторику просвещенческого происхождения. А это вовсе не так трудно, как может показаться вначале: в мире без правил убийства демократами мирных жителей будут выглядеть нисколько не лучше их убийства злыми автократами и вызывать не меньшее возмущение. Что, впрочем, нисколько не радует.

1. М. Саакашвили: Россия настолько уязвима! («Le Monde», Франция). - <http://www.inosmi.ru/translation/244130.html>.
2. Материалы круглого стола ИФ РАН. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта // ПОЛИС, № 5, 2008. С.65.
3. Кейган Р. Конец конца истории. - http://states2008.russ.ru/publikaciya_nedeli/robert_kejgan_konec_konca_istorii.
4. Перепелица Е.В. Ценностные доминанты идеологии белорусского государства. Минск 2006. С.24-61
5. Горизонтов Л. Беларусь: уроки государственной идеологии - http://www.dumaem.ru/printkz.php?st_id=647.
6. Народу - народное. - Сайт по пропаганде социалистических идей Уго Чавеса в России. <http://commandantecha.narod.ru/cha.htm>.
7. Борох О. Ломанов А. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР. <http://www.polit.ru/research/2006/04/20/boroh.html>.
8. Исаев Г. Иран и США: конфликт надуман? - <http://www.idelo.ru/468/15.html>.
9. Дугин А. Есть ли друзья у России? // «Время новостей» № 151, 23 августа 2006.

* Характерна в связи с этим краткая подборка мнений об Уго Чавесе, которая отлично иллюстрирует как наши политические лидеры воспринимают наших друзей и как наши друзья воспринимают друг друга:

«Президент России Владимир Путин: «Господин Чавес относится к новому поколению латиноамериканских политиков – политиков, которые точно, ясно и очень конкретно понимают и последовательно отстаивают национальные интересы своих государств». ...

Президент Белоруссии Александр Лукашенко: «Уго Чавес – очень образованный, толковый и сильный человек. Наверное, он стремится стать лидером Латинской Америки. Уго Чавес этого заслуживает: он неординарный человек, совсем не такой, каким его показывают западные СМИ».

Президент Ирана Махмуд Ахмади-Нежад: «Уго Чавес – выдающийся лидер и вдохновитель революционного движения в Южной Америке. Он вносит огромный вклад в дело разоблачения империализма. Я могу прямо сказать, что он мой брат и, дай бог, боевой соратник. Уго Чавес – брат всего иранского народа и вообще брат всех, кто ищет свободу». (см. Уго Чавес//Власть №48(702) от 4.12.2006).